

Недавняя мая 1994 — 25 ноября — С.Ф.

ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ ПРАВИЗНЫ

Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя

Дмитрий Силин

Прогулка

ИСКУССТВО и революция. Сердце критика — пламенный мотор — ускоряет свой бег во времена ноябрьских праздников. Начинаешь ждать событий дивных, свершений этапных: парада на Красной площади, демонстрации трудящихся. Но нет парада. На демонстрации — только бабушки, с красными тряпочками. Но есть, есть еще на Земле места, где помнят о всемирно-исторической роли Великого Октября.

Пример: галерея «Риджина». Георгий Гурьянов. «Сила воли» (выставка).

Зал Авроры, Утренняя заря, звезда, победа. Мороз и солнце, день: проснись дружок, революцию проспишь, Ницше, Советский Спорт, борьба. Атлетам мира — наш привет. Труби, труба, горни, горнист. Спартакосцы, вперед! (вариант: спартанцы) — к полной виктории коммунизма. Клуб Друзей Маяковского: Художник Георгий Гурьянов. Этапы большого пути: родился в городе Ленинграде, где отучился в училище (худ), состоял в группе «Новые художники» (арт), группе «Кино» (рок), работал с «Поп-механикой» (Курехин), «Пиратским телевидением» (фальсификация на тему масс-медиа), организатор первых «асид хаусу партий» (домашне-кислотных вечеринок) в Питере. «С 1993 — почетный профессор Санкт-Петербургской Новой Академии и Изящных Искусств» (из пресс-релиза). Короче: «красная волна» — «новая музыка» — «неоакадемизм». Тпру. Приехали. Культурный герой города революции. Карьера нонконформиста (нового конформиста).

«Эти тугодумы скоро поймут, что видеть перед собой сильное, загорелое, освещенное солнечными лучами и одутое (!) морскими ветрами молодое тело гораздо разумнее, чем уставиться с умным видом на черный квадрат» (Георгий Гурьянов.) Тугодумы памятьливы. Участник выставок, выставок, выставок от Колпенагена до Мехико. Хороший художник: композитор, натуралист, рокер, рисовать пыгается. Характер нордический. То, что нужно.

Эволюция стиля: от веселых поп-артистски лакированных цветных почти плакатов акрилом к серым сумрачным соцреалистическим маслом (кажется). В здоровом

теле — здоровый дух. От здоровой радости — к здоровому отчаянию. Тело то же — дух другой. От Дейнеки — Уорхола к Дейнеке — Энде. Экзистенциальный соцреализм. Античная статуя, мускулистые борющиеся тела, мичман с крейсера «Стерегущий» (кажется). Суровость. Дядя Степа на флоте. Милые, милые сердцу картинки школьного учебника 70-х. Дурной навязчивый сон. Тимур Новиков, как питерский Глазунов, взрастил достойную смену череде питерских «авангардистов» — новые академики грядут во славе своей, в победном венце — в Москву! на Москву! даешь Москву! — нах Ост. Штурм унд драг. Воля и радость.

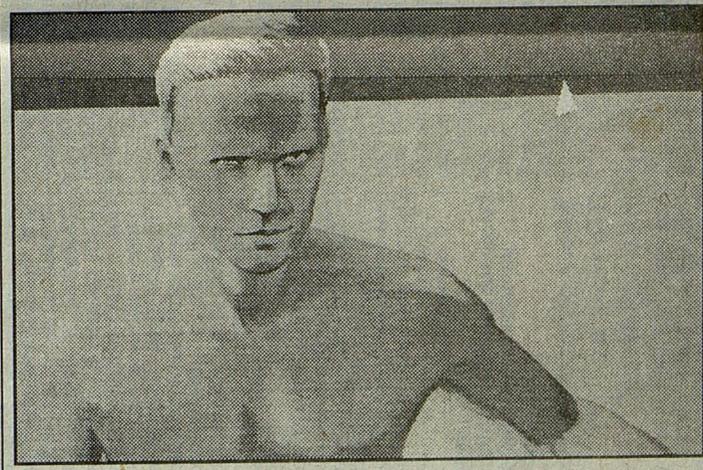
сладенкий аромат разложения, которым запахло от еще одного мифа — о наступлении неофашизма. Наступать-то он наступает, да ножки глиняные.

Еще одно свидетельство тому — «Первый московский фестиваль перформанса», около галереи «Феникс», Москва, 7 ноября, 4 часа дня. Художники не могут попасть в галерею. Зрители не могут попасть в галерею. Никто не может: галерея закрыта. Начальство ушло. Объяснение (начальства, что ушло): проводка испортилась. («Феникс» может спореть?) Объяснение другое (организаторов: Рошняка и Пономарева): провокация, свастика испугали, политикою запахло. Пахло

стоял Кулик, поблескивая золотыми рожками (новый имидж — царь зверей), — ан нету; вот стоял Лимонов с парой добрых молодцев (по виду телохранителей или нарководилеров) — ан улыба на близлежащую набережную. Тусовка, поживаясь, стала рассасываться. «ОМОН, ОМОН...», — раздался суеверный шепот. «Ведь негаром сторонится/ Милицейского поста/ И милиции боится/ Тот, чья совесть не чиста». Два прибывших ленивых мента лишь плечами пожалы, разочаровав остаток публики, ожидавшей увидеть нечто бульдозерное — с винтом и арестом. И остатки вскоре рассеялись, оставив за собою выбитое стекло закрытой галереи да маленькую кучку мусора, так и не ставшую полем битвы (разве что брани) — скверик на Кутузовском, 3, напротив гостиницы «Украина», через реку от Белого дома.

А какой фестиваль был задуман! Какой размах! — 4 дня, больше 40 перформансов. Какой сюжет! — «авангардное искусство» ищет «опыт свастики» (выражение Дугина). Какой академический пафос: Первый! Московский! Фестиваль! Перформанса! Бой барабанов. 4 раздела: «визуальный перформанс», «театр-перформанс», «литературный перформанс», «музыкальный перформанс». Кто тут авангардисты? По взводам ращипы — таись! А какие имена! Все цвета радуги — от Абалаковой до Юхананова, от старейшины Тегина до модного Беляева. Бартенева и Бренера в одном флаконе. А запах! запах! Запах свежего «Завтра» (помню один из последних — перед запретом — номеров «Дня» с этапной статьей Дугина — то ли «Исповедь», то ли «Три источника и три составных части русского национализма»). А имена! А работа с молодежью! На каком еще «фестивале» можно встретить имена, одна половина из которых неизвестна (не только мне), а вторая — подобрана по признаку: не всякой твари, но по паре. А нравы! Из той половины участников, которая мне известна, на вернисаж пришла едва половина. А к чему шло? Что к чему прилагалось? «Фестиваль» — к двум алогичным, мифологичным, агрессивным-тоталитарным статьям о «вечном льде» и «опыте свастики».

Два новых (?) слова на букву «Ф»: культурный центр «Феникс»; критик Сергей Кусков. Такой порыв! И так мелко оскоромиться, облажаться, облакоститься. И «Феникс» может спореть. Не возрождайся. Искусство и неофашизм.

Автопортрет Георгия Гурьянова в «Риджине» не висел.

Радость через силу. Труд делает свободным. О спорт, ты Рим. «Академия должна стать школой состава Красной Армии художников» (Э.Э.Эссен — ректор ленинградской Академии в 1925—1929 гг.).

Но сгущающиеся тучи, континентальный климат Москвы вынуждают палитру тускнеть, энергию затухать. И в безжалостном электрическом галерейном свете прозреваешь свет истины: просто еще один миф угас — вялый активизм героев Гурьянова не в силах одолеть тлетворную вторичность жестов. Для Академика он слишком плохо рисует, для актуального художника — слишком мало думает. Сила безвольна — угрюмые лица, дряблы мускулы. Воля бессильна что-либо изменить. Мутное ощущение: где-то когда-то все это уже было, но тогда это было лучше — ностальгия по светлоте вчера. Питер — город-музей,

жареным. Пылали костры (инсталляция Святослава Пономарева).

Митин... ошибся, перформеры толкали речи. Бренер, Кедров, Кулик, Лимонов, Мавроматти и др. Хорошая компания. Радикалы: Бренер с Куликом — от художников, Кедров — от поэтов демократии, Лимонов — от национал-революционеров, Мавроматти — от безыдейных террористов. Хорошая компания. АО «Элементы»: авторы концепции — Сергей Кусков, Александр Дугин. А зовут их — фашишки. Хорошо выступали. Народный праздник. Восстание масс. Долой антинародное. И в конце — Мавроматти: «На баррикады! На баррикады! Зиг хайль! Зиг хайль!» А Бренер — камнем в окно: бац! бац! И убежал. А сигнализация: ззз! ззз!

«Из кармана гвоздик вынул, продырявил барабан» Саша Бренер — хулиган. И тут же расплылся в воздухе фантомы: вот